

Раф Гази

Замок Барадж

18+

Раф Гази
Замок Барадж

«Автор»

2012

Гази Р.

Замок Барадж / Р. Гази — «Автор», 2012

Сегодня драконам не осталось места среди людей. Аждаха — могущественный алып — полностью завоевал Землю, подавив всех, кто пытался оказать ему сопротивление. Последние драконы из рода Барадж укрылись в родовом замке, где Аждахе их было не достать. Это параллельный мир, куда можно попасть лишь через специальный портал — скрытый излом в пространстве. Двести лет главный герой повести ищет свою пару — женщину из породы драконов, чтобы продолжить славный род Барадж. Сможет ли он обрести любовь и успокоение?

© Гази Р., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Часть I	5
Часть II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Раф Гази

Замок Барадж

Часть I

1

Нет ничего лучше, чем в сырую, промозглую погоду сидеть у камина и смотреть на огонь. Я не люблю дневной свет, яркий солнечный свет меня раздражает. А прохладный, мелкий дождь успокаивает. Монотонно–нудная дробь дождевых капель выстукивает грустную тягучую мелодию, созвучную настрою моей уставшей души.

Я подхожу к окну и отдергиваю тяжелые темно–коричневые шторы, впуская в комнату серый тусклый день. Очертания предметов и мебели в этой большой мрачной комнате проявляются немного отчетливей. Справа от камина выступает из полумрака силуэт массивного стола из красного дерева, своими витыми толстыми ножками утопающего в неровной поверхности холодного каменного пола.

Грязно–зеленое сукно едва проглядывает через вековой слой пыли. За этим столом давно никто не сидел, и мне лень кликнуть служанку, чтобы она прибралась. Я не люблю, чтобы сюда кто–нибудь заходил. Шершавые бугристо–чешуйчатые стены украшены змиевидными чугунными кронштейнами с отверстиями для факелов, которые редко когда зажигают.

Покрытое дождевыми полосками стекло приятно холодит лоб. За окном над свинцово неподвижными волнами уснувшего под мелкой сеткой дождя моря низко нависли тяжелые свинцовые тучи. Грусть в моем сердце, похоже, поселилась навеки. Когда я говорю «навечно», я имею в виду, что в прямом смысле навеки, то есть на века.

Вчера в гордом одиночестве я встретил свою 250–летнюю осень. Я уже давно свои дни рождения, включая круглые даты и юбилеи, отмечаю один. «Отмечаю» – сказано громко, ничего я не отмечаю, просто делаю заметку: вот еще один год прошел, еще один бесплодный, бессмысленный год, и впереди, так же, как и позади, ничего нет – только грусть и неизбывная тоска.

Из 250–ти прожитых мною лет лишь первые 50 жила в сердце надежда. Потом она постепенно стала угасать и вытесняться грустью, а грусть – тоской, которая временами становится невыносимой.

200 лет непрерывной и неизбывной тоски! Ведома ли еще кому такая мука?..

Что меня держит в этой жизни? Похоже, уже ничего. Может ли что–нибудь по–настоящему взволновать мое сердце? Пожалуй, вряд ли. Разве только мне нравится бездумно смотреть на острые языки огня в камине, бесцельно парить над синей гладью безбрежного моря и охотиться в горах на диких кобылиц. И вот так, как сейчас, прислонившись лбом к холодному стеклу, тупо слушать заунывный дуэт ветра с дождем.

Дождь лил, не переставая, уже целую неделю. И мне стало немного стыдно, что другие обитатели полуразрушенного замка, жившие в заточении на этом острове, так давно не видели ясных солнечных дней. Как будто я был в том повинен. Впрочем, к чему лукавить – конечно, я, кто же еще! Я давно уже заметил, но не хотел самому себе признаваться, что погода на острове принаравливается к моему настроению. Если мне грустно, то идет дождь, когда тоска отступает – выглядывает солнце. Но поскольку с каждым годом хандра все неохотнее покидает мое сердце, солнечных дней становится все меньше. И мне стоит больших усилий, причем, чем дальше, тем больших, чтобы подавить свою меланхолию и подарить людям хоть немного солнца.

Правда, в замке живут не только люди, но еще и ереги – мои верные и преданные слуги, чье жизненное предназначение как раз в этом преданном служении и заключается. Поскольку ереги – духи, а не люди, хотя могут принимать и человеческое обличье, я думаю, им все равно: светит на небе солнце или тучи нагоняют на остров дождь.

Хорошо, что я вспомнил об ерегах. Главный ерег, чье имя Буре, докладывал мне, что они похитили очередную деву и, как обычно, заключили пленницу в башню. Вообще–то, похищать дев было моей прямой обязанностью, поскольку именно я был наследником прежних хозяев замка Барадж, и вместе с замком ко мне перешла и обязанность похищать дев из параллельного мира. Я никогда не понимал смысла этой церемонии (которая, как уверяли меня ереги была необходима для поддержания физических кондиций дракона), и выполняя ее, преследовал свои цели. Потом, полностью разочаровавшись и в них тоже, совсем отошел от этого дела. Но ереги, которые никогда не нарушают заведенных порядков – в этом их внутренняя сущность – сами занялись похищением девушек из мира людей. Решать их судьбу все равно приходилось мне, потому что ереги решений не принимают, а лишь служат хозяину и следят за сохранением традиций.

Была слабая надежда, что общение с новой пленницей поможет наложить на мрачный пейзаж моего настроения какие–то свежие светлые мазки, и над островом, наконец, забрезжит солнечный лучик.

2

Боже, как она юна! – думал я, сидя с вытянутыми к камину ногами. Мои глаза были закрыты, я глубоко погрузился в себя. Перед моим внутренним взором открылось помещение башни, куда ереги заключили новую пленницу.

Когда мне никто не мешал, я мог включать внутреннюю антенну, которая улавливала колебания любого объекта в замке, как бы далеко он от меня не находился. Ведь материя – это лишь мысль, чтобы увидеть ее, достаточно настроиться с ней на одну волну...

Боже, как она юна! Закрыв глаза, я долго разглядывал пленницу, которая нервно вышагивала по тускло освещенной маленьким оконцем комнате. Да, ерег Буре очень хорошо изучил мой вкус. Изящные запястья и щиколотки, гибкий змеиный стан, плавно переходящий в длинную шею, высокая грудь – этого было достаточно, чтобы заставить чуть быстрее биться мое окаменевшее сердце.

Юная пленница вдруг остановилась на полушаге и повернула свое напряженное личико в мою сторону, словно почувствовав на себя чей–то взгляд. Черты ее слегка размытого лица с припухлыми губами и заплаканными глазами показались мне знакомыми. Где–то я ее уже видел. Хотя в этой башне столько перебивало девиц, разве всех упомнишь! Нет, нет, эту я точно, видел, не ее саму, конечно, а возможно, ее пра–пра–прабабушку...

Девушка напомнила мне одну старую грустную историю, когда, подчиняясь древним традициям, я сам еще летал вместе с ерегами по разным городам и весям в поисках подходящих пленниц.

Точно уже не помню, сколько лет с тех пор прошло, помню лишь, что автомобили тогда ездили только по большим городам, а в сельской местности люди передвигались на повозках, запряженных лошадьми.

Я сидел в кабаке на окраине провинциального городка, попивая местное крестьянское вино из красного винограда. Посетителей было не густо. За соседним столиком скучала дама неопределенного возраста в черном платье с глубоким декольте. Куртизанка, подумал я. Барышни такого сорта меня не интересовали, так же, как и принцессы «голубых кровей». В них я успел разочароваться. Охота в тот сезон шла на «провинциалок».

От нечего делать, я внимательнее осмотрел соседку. Что–то раньше я ее здесь не встречал. В углу кабака веселилась компания изрядно подвыпивших мужчин, видно, крестьяне из соседних аулов отмечали свой удачный поход на городскую ярмарку. День–то был базарный!

Мелко семеня тумбообразными ногами, к моему столику спешила дородная тетка с обвислыми щеками и ярко накрашенными губами.

– Господин, вы не первый раз к нам приходите и почти ничего не заказываете, – несколько грубовато обратилась она ко мне, но тут же поправилась:

– Извините, я давно за вами наблюдаю, мне кажется, вы кого–то ищите, я даже знаю кого, – женщина понимающе хмыкнула. – У нас приличное заведение, и очень хороший выбор, а Лола сейчас как раз свободна. Я видел, как вы на нее вчера смотрели, у вас хороший вкус. Хотите я ее приглашу? – «мамка» заговорщицки подмигнула мне и кивнула головой в сторону винтовой лестницы, ведущей на второй этаж в номера.

Я отрицательно помотал головой, «мамка», обиженно фыркнув, удалилась. Действительно, я видел Лолу, и, действительно, она была хороша! Тонкие щиколотки плавно превращались в изящную голень и пышные бедра, потом изгиб тела вновь сужался рюмкой в талии, чтобы распуститься двумя упругими круглыми полушариями... Было немножко жаль, что такая шикарная девушка, от крайней нужды или от внутренней потребности, стала куртизанкой... Я неожиданно поймал себя на чувстве, похожем на ревность. Нет, конечно, это была никакая не ревность. Ну какая может быть ревность к проститутке?! Скорее, это была досада, досада на то, что она торговала своим телом, и поэтому ее нельзя было похитить.

«А что же ты хотел! – урезонивал я себя, допивая вино в бокале. – В мире людей каждый зарабатывает на хлеб, как может».

Но разговор с самим собой помог плохо. Настроение было испорчено. Похоже, я действительно обиделся, как ребенок, раз захотел того, чего хотеть было никак нельзя. Мне вдруг показалось, что я снова приперся в этот дурацкий дешевый бордель лишь для того, чтобы еще раз увидеть Лолу. Я так был раздосадован и зол, так метался в сомнениях, что готов был, кликнуть «мамку», чтобы она все–таки пригласила ее...

Не знаю, позвал бы я Лолу или нет, скорее всего, не позвал бы, мне всегда удается в самый последний момент принять единственно правильное решение. Но как бы там ни было, разбег моих желаний остановил военный патруль: офицер в красно–фиолетовом мундире и два солдата в серой форме с кривыми саблями на боку. В воздухе запахло грозой! Что это: дежурный рейд или ищут кого–то конкретно?

Крестьяне за угловым столиком вмиг притихли. Засуетилась и моя соседка в черном, нервно роясь в дамской сумочке. Я тоже внутренне собрался, нащупав в кармане висящей на спинке стула легкой накидки твердый булат стального кинжала. Случись что, я мог им вмиг распотрошить весь патруль, оккупанты даже глазом моргнуть не успели бы! На моей стороне были внезапность, скорость и мастерское владение холодным оружием, с которым во время моих путешествий в мир людей я не расставался даже во сне. Мой кинжал не раз выручал меня в трудных ситуациях.

Но все обошлось. Заслышав шум, в питейный зал вкатился трактирщик. Маленький толстячок нес серебряный поднос, на котором красовались увесистая хрустальная рюмка виноградной водки и аппетитный бутерброд с красной икрой в маленькой тарелочке. Офицер махом опрокинул в себя рюмку, закусил икоркой и лениво махнул солдатам рукой, дескать, уходим, нам здесь делать больше нечего.

А–а, вот оно в чем дело, догадался я, офицерик заглянул сюда за своей порцией дани в виде чарки водки! Мелко плаваешь, господа офицеры! Если бы вы знали, с кем только что развела вас судьба, у вас поджилки бы затряслись...

Но почему так нервничала за соседним столиком дама в черном? Я еще раз внимательно присмотрелся к ней. Нет, на куртизанку не похожа. Во–первых, не подходит по возрасту. Когда я пристальней взгляделся в ее лицо, то рассмотрел и морщинки возле глаз, и сами глаза... Тусклые, тоскливые, слегка опухшие то ли от чрезмерной выпивки, то ли от горьких слез. Ей было лет 35–40 – в такие годы «ночные бабочки» уже переходят в разряд «дневных сов» и сами

рулят куртизанками в борделях. Во–вторых, дама заказала полноценный ужин, а не потягивала дешевый коктейль, как это обычно делают проститутки в ожидании щедрых клиентов. Несмотря на некоторую истертость, женщина показалась мне миловидной, смазанность черт ее лица придавали ему особую изюминку и загадку. В ней определенно была какая–то тайна, которую хотелось отгадать. Или так мне показалось лишь после нескольких добрых бокалов красного вина?..

Я подозвал полового в белой рубашке и грязном фартуке, незаметно кивнул на даму за соседним столиком:

– Работает?

– Нет, она не наша, я первый раз ее здесь вижу, – сразу понял намек учтивый официант.

– Я так и думал.

У меня возникла проблема – я разучился знакомиться с девушками. Возможно, и не умел никогда. Я привык их похищать, угрожая оружием, если был в человеческом обличье, или цепляя когтями за одежду и унося ввысь, когда принимал облик дракона. Но тут был другой случай – даму в черном я не собирался похищать, она была слишком стара, к тому же не в моем вкусе. Женщины – скоропортящийся продукт. Я просто хотел с ней познакомиться поближе.

Где–то я читал или все–таки, наверное, видел в кинематографе, так как лет 200 не держал в руках ни одной книжки; так вот, я видел в кино, как мужчина знакомится с понравившейся ему девушкой в ресторане. Я вспомнил об этом и попросил официанта принести моей соседке бутылку шампанского.

– Только хорошего, – предупредил я.

– Французского? Оно очень дорогое.

– Не важно, неси.

3

За окном накрапывал дождь, мелкий и нудный. В вежливом поклоне изогнулся керосиновый уличный фонарь. Если бы дождинки не высвечивались в его желтоватом свете, то дождя было бы даже не видно. В душе опять проснулась тоска...

Вот такими же серыми тучами заволочло небо и в тот трагический день, когда я разом лишился всего, что у меня было...

Это произошло около 220 лет назад. Я был простым чабаном (правда, с университетским дипломом Аль–Азхар, но надоели ученые книги, потянуло к природе), и был вполне доволен своей жизнью. А отчего бы мне быть не довольным! Я имел хорошую жену–хозяйку обжитого и построенного своими руками дома, сына – будущего наследника, крохотную еще дочь, в которой души не чаял. И вот в одночасье всего этого лишился. Карательный отряд оккупантов, подавляя очаги сопротивления, выжег дотла наш аул – это называлось тактикой «выжженной земли». Я спасся по той причине, что дождь заставил меня укрыться со своими барашками в ущелье, и вернулся я лишь на пепелище, когда все уже было кончено.

С тех пор когда начинается дождь, меня всегда охватывает неизъяснимая тоска. Возможно, если бы я вовремя тогда вернулся домой, мне удалось бы защитить свою семью. Но случилось то, что случилось...

Я потерял все: дом, семью, друзей, соседей, налаженный и размеренный быт. Самое главное, я потерял свою судьбу, с того момента я стал проживать чью–то чужую, а не свою жизнь.

В выжженном сердце остались только два чувства – ярость и боль, боль и ярость. И еще жажда мести! Если бы не эта жажда, которая дисциплинировала и собирала волю в кулак, я даже не знаю, чтобы со мной было. Сердце бы не выдержало такой звериной тоски и ярости, и однажды лопнуло бы. Партизанская война с оккупантами, которую я в одиночку вел с дьявольской хитростью и изворотливостью (меня даже ни разу не царапнула вражеская пуля), отвлекала и давала короткое успокоение. Кстати, эта война оккупантов с коренным населением Земли до сих пор не закончилась. И вряд ли вообще когда закончится.

Со временем бешеная ярость стала успокаиваться и уступила место спокойной и ровной ненависти. А потом вдруг и она прошла. И я опять не знал, как жить дальше. Вот тогда–то во мне и проснулся Дракон. Я понял, что я больше не человек, и никогда им не был...

По своему обыкновению, я прислонился лбом к прохладному стеклу. Дождь вкрадчиво стучался в окно, но тоска уже не была такой острой. Тогда хандра еще не превратилась в мою постоянную подругу. Конечно, былой ненависти к своим врагам я уже не испытывал – тех мародеров, которые 220 лет назад разорили нашу деревню, здесь и в помине не было, и быть не могло. Одни были уничтожены повстанцами, кости других давно истлели в их родовых склепах. Если я и продолжал ненавидеть оккупантов (ушли одни, вместо них пришли другие), то больше по–привычке. Но эта война была уже не моя.

Физически я был по–прежнему крепок, время для меня как бы остановилось, заморозив мое тело в одном и том же состоянии. Но вот душа, душа – да, она устала. Я хотел тишины и покоя.

Я не люблю людей, их шумные города, пьяные кабаки, вонючие отели и караван–сарай – я не могу находиться в них больше 2–3 дней, меня тянет обратно на внезапно открывшийся мне параллельный остров, где раньше обитали драконы, в его горы, в свой обветшалый замок... Но без мира людей, без «огней большого города» я тоже поначалу обходиться не мог. В моих горах, в моем замке в первое время не было женщин. Когда волна дикой ярости схлынула – а на это потребовалось несколько десятилетий, – я снял с себя самим собой наложенный запрет... Жизнь есть жизнь, природа (драконья или человечья) все равно берет свое, если смерть тебя не находит, нельзя же вечным отшельником скрываться на острове. Хотя я и чувствовал себя уже вполне драконом, но так и не научился предаваться ритуальным пиршествам. Они были противны моей натуре, пленниц я использовал для других, более гуманных и приятных целей, а через некоторое время отпускал...

Кстати, о женщинах... Куда пропала наша дама в черном? И чем она так долго занимается в ванной комнате?

Приоткрыв дверь, я увидел, как моя дама, сняв свое тонкое черное платье, в одной короткой сорочке нагнулась к умывальнику так, что открылись ее ноги в ажурных чулках. Точно такие же чулки носила куртизанка Лола, и она также соблазнительно нагибалась в них, дразня и маня своей красотой и доступностью ошалелых посетителей кабака. Хотя в отличие от Лолы новая знакомая приняла такую позу не специально, и ее ножки под ажурными полуспущенными чулками были, возможно, не таким стройными, но достаточно аппетитными, чтобы у меня сработал условный рефлекс... Не умея и не желая больше сдерживаться, я бросился вперед и обхватил женщину сзади, по пути успев развязать узел на обернутой вокруг своего тела белой простыне.

– Сумасшедший... что ты делаешь, отпусти... ну не здесь же в самом деле...

– Здесь... здесь! и не только здесь! сначала здесь! а потом там! и везде! везде!

4

Произошло небывалое. Я проспал. Я – воин и дракон, и проспал. Когда я открыл глаза, рядом со мной женщины в черном уже не было. Как я мог ничего не услышать? Ведь прежде чем уйти, она встала, оделась, умылась, наверное. А я ничего не слышал, спал как убитый.

Так, а она ничего не украла? – я мгновенно вскочил с изрядно измятой и даже кое–где залитой красным вином постели и бросился к платяному шкафу. Засунул руку в потайной карман своей походной накидки... Нет, все нормально, инкрустированный зелеными изумрудами кинжал был на месте. Уже более спокойно я осмотрел содержимое бумажника, в нем тоже ничего не пропало: мятые бумажные купюры и серебряные монеты были в полной сохранности. Да непохожа она на воровку, просто несчастная женщина, успокоился я.

Глотнув из ковша холодной воды, я стал не спеша одеваться. Голова немножко побаливала. Все–таки вчера в кабаке, не только в кабаке, но и здесь, в номере, ночью я здорово

набрался. Потому башка и трещит. Раньше такого со мной не бывало. Старею, что ли? Да нет, просто так много раньше не пил – вот и все! Я вообще редко позволял себе расслабиться – никаких виски, коньяков, водки, только легкое виноградное вино... И с какого перепугу я на этот раз так надрался?

Я стал восстанавливать в памяти события минувшей ночи. Это удавалось с трудом. Помню, как из ванной комнаты принес ее на руках в постель... Потом сидели и прямо на кровати пили вино... Потом опять легли... И снова встали... Пили вино, разговаривали... Она жаловалась на жизнь и плакала. Жаловалась на своего мужа, что он ее не любит, вечно уезжает по каким-то государственным делам, но она подозревает, что кутит со своими друзьями и девками. Как она призналась, ее муж занимал какой-то ответственный пост в новом городском совете, сотрудничавшем с оккупационной властью. Так вот почему она так сильно нервничала в ресторане во время обхода военного патруля – боялась, что ее узнают! Это до какого же состояния нужно довести женщину, чтобы она от тоски и безысходности прыгнула в койку к первому попавшемуся... дракону! То есть, ко мне. И что же это получается, что я провел ночь с женой своего врага? Да, именно так оно и получается.

И не только провел с ней ночь, но и... Мне стало стыдно от своих воспоминаний. Неужели это было? Неужели я ей это говорил? Да, говорил, я вспомнил все. Я обещал увезти ее с собой в горы, в сказочный замок и сделать счастливой. Вот пьяный дурак! А что она? А что она – она согласилась. Да, точно согласилась. Спьяну. А утром проснулась, обдумала все на свежую голову и... дала дёру. И правильно сделала.

***

Я еще и еще раз прокручивал в памяти пленку событий давно минувших столетий. Вспоминал даму в черном, но больше куртизанку Лолу, потому что именно на нее походила новая пленница, томившаяся в тюремной башне. Устав от нахлынувших воспоминаний, я решил пойти отдохнуть, а завтра на свежую голову познакомиться с девушкой, пробудившей во мне столько угасших чувств.

Часть II

1

На следующее утро я проснулся рано. Не открывая глаз, определил, что солнце уже взошло и дождь прекратился. Сработал биологический часовой механизм, который никогда не ошибался.

Толстые каменные стены моей спальни надежно укрывали от шума, сюда не проникал ни один посторонний звук. Но я совершенно точно знал, что замок еще спит.

И тоже притворялся спящим. Как охотник в засаде, я ждал проявления первых утренних мыслей, и как только они появлялись, тут же протыкал их тонким наконечником короткого воображаемого копья. Я охотился за своими мыслями, которые надувались и лопались как мыльные пузыри, так и не успев оформиться во что-то осмысленное и логически завершенное.

Вот надулся и лопнул, пронзенный копьем, еще один пузырь...

Потом еще...

И еще...

Сохраняя как можно дольше физическую и умственную неподвижность, я отдалял момент своего окончательного пробуждения. А зачем мне было просыпаться? Что хорошего могло дать мне рождение очередного скучного дня? Ровным счетом ничего. Жизнь угощала одним и тем же блюдом: доброй порцией печали, приправленной щедрой специей тоски.

В конце концов, я не просил Творца (или кто там еще сотворил людей, драконов и других живых тварей), я не просил никого производить меня на этот свет, меня подкинули в эту жизнь, как нежеланное дитя, без моего ведома и согласия.

Кто-то очень хитрый и коварный создавал природу человека, отчасти и дракона. Живое существо наделено всякими инстинктами, оно всегда хочет есть, пить, совокупляться... И как бы ему тяжело не приходилось, оно из последних сил будет цепляться за жизнь, и будет по гроб жизни благодарить того, кто поможет удовлетворить эти животные инстинкты и убережет от смерти. Хотя на самом деле одна только смерть и освобождает от всех земных пут. Человека создали, как идеального раба.

...Рано или поздно, как бы я не сдерживал свое окончательное пробуждение, оно неизменно наступало. Мысленные пузыри размножались и начинали мелькать с такой частотой, что копьё не поспевало за ними, и привычные будничные мысли, сменяя одна другую, постепенно заполняли все пространство сознания, а сердце наполнялось привычной тоской. Похоже, убить ее можно было уже лишь одновременно со мной. Тело, устав от неподвижности, тоже начинало подавать признаки жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.